

Николай Бердяев

О назначении человека
Опыт парадоксальной этики

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 101
ББК 87
Н63

Н63 **Николай Бердяев**
О назначении человека: Опыт парадоксальной этики / Николай Бердяев – М.: Книга по Требованию, 2013. – 320 с.

ISBN 978-5-458-23255-5

В работе "О назначении человека" Н.А. Бердяев выступает как представитель школы религиозного экзистенциализма, противопоставляя свободу духа объективной необходимости. Труд философа посвящен проблемам этического познания, проблемам свободы, личности и творчества, проблемам добра и зла. Бердяев различает три ступени этической эволюции: этику закона, этику искупления и этику творчества. Именно этика творчества, основанная на защите, переосмыслении и обновлении принципа свободной личности, является высшей и наиболее зрелой формой нравственного сознания.

ISBN 978-5-458-23255-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ровано. Но сама первожизнь не противостоитъ познающему, ибо онъ въ нее изначально погруженъ. Выбрасываніе познанія изъ бытія есть роковой плодъ раціоналистическаго просвѣщенія, не изжитаго до конца и не преодоленнаго. Актъ познанія не считается бытіевеннымъ актомъ. Если познаніе противостоитъ бытію, какъ объекту, то познаніе не имѣетъ никакой внутренней связи съ бытіемъ, оно не входитъ въ исторію бытія. Это привело къ тому, что познаніе было *о чѣмъ-то*, но не было *чѣмъ-то*. Познающій не принимаетъ въ серіозъ своего познанія. Для него перестаетъ существовать міръ сущихъ идей и остается только міръ идей о сущемъ, нѣтъ уже Бога, но есть разнообразныя идеи о Богѣ, которые онъ изслѣдуетъ, нѣтъ уже сущаго добра и зла, но есть разнообразныя идеи о добрѣ и злѣ и т. д. Въ тѣ эпохи, когда познаніе было въ бытіи и происходило съ бытіемъ, познающій могъ стать и предметомъ познанія. Платонъ, Плотинъ, Бл. Августинъ, Паскаль, Я. Беме и т. п. были не только познающіе, они также предметъ познанія и очень интереснаго познанія. Но современный познающій, поставившій себя внѣ-бытія, не можетъ стать предметомъ познанія, ибо предметомъ познанія можетъ быть лишь бытіе, въ бытіе же онъ не входитъ и не хочетъ войти, не хочетъ, чтобы познаніе его было актомъ въ бытіи, въ жизни.

Такое деградированное положеніе философскаго познанія соответствуетъ стадіи, въ которой философія хочетъ быть наукой и попадаетъ въ рабскую зависимость отъ науки. Философія проникается черной завистью къ положительной наукѣ, столь удачливой и успѣшной. Эта черная зависть не доводитъ до добра, она приводитъ къ утерѣ достоинства философіи и философа. Философія наукообразная отрекается отъ мудрости (Гуссерль) и въ этомъ видитъ свое завоеваніе и успѣхъ. Трагична судьба философскаго познанія. Очень трудно философіи защитить свою свободу и независимость. Свобода и своеобразие философскаго познанія всегда подвергались опасности и при томъ съ разныхъ, противоположныхъ сторонъ. Если сейчасъ философія находится въ зависимости отъ науки, то раньше она находилась въ зависимости отъ религіи. Философіи вѣчно угрожаетъ рабство то со стороны религіи, то со стороны науки и трудно ей удержаться въ своемъ собственномъ мѣстѣ, отстоять свой собственный путь. И она отстаиваетъ такую форму независимости, которая должна быть признана ложной. Ложнымъ является притязаніе философіи быть назависимой отъ жизни и жизни противоположной. И фактически такой независимости философія никогда не могла получить. Религіозная вѣра и религіозная жизнь познающаго не могли не отражаться на его философіи, онъ не могъ ихъ забыть въ своемъ познаніи. Также философъ не можетъ забыть о своихъ научныхъ познаніяхъ. Но рабство философа связано совсѣмъ не съ тѣмъ, что у него есть религіозная вѣра и научное знаніе. Раб-

ство это связано съ тѣмъ, что религіозная вѣра и научное знаніе становятся внѣшними повелѣвающими силами для философскаго познанія. И религія и наука могутъ внутренне оплодотворять философское познаніе, но они не должны дѣлаться внѣшнимъ авторитетомъ для него. Отъ философіи требовали то, чтобы она была сообразной съ теологической обработкой вѣры, то, чтобы она была сообразной съ наукой и даже съ математической физикой. Лишь краткія мгновенія философія дышала воздухомъ свободы. Освободившись отъ гнетущей власти теологіи, она попадаетъ въ еще болѣе тяжкое рабство отъ самодержавной и деспотической науки. Но отрицаніе рабства философіи у гетерономной для нея сферы не означаетъ самозамыканія философіи и разрыва ея съ жизнью. Если философъ вѣритъ въ религіозное откровеніе, то онъ не можетъ въ своемъ познаніи не питаться имъ. Но откровеніе не есть для его философскаго познанія внѣшній авторитетъ, оно есть для него внутренній фактъ, философскій опытъ. Откровеніе имманентно философскому познанію, какъ внутренній свѣтъ. Философія человѣчна, философское познаніе — человѣческое познаніе, въ ней всегда есть элементъ человѣческой свободы, она есть не откровеніе, а свободная познавательная реакція человѣка на откровеніе. Если философъ христіанинъ и вѣритъ въ Христа, то онъ совсѣмъ не долженъ согласовать свою философію съ теологіей православной, католической или протестантской, но онъ можетъ пріобрѣсти умъ Христовъ и это сдѣлаетъ его философію иной, чѣмъ философія человѣка ума Христова, не имѣющаго. Откровеніе не можетъ навязать философіи никакихъ теорій и идеологическихъ построеній, но можетъ дать факты, опытъ обогащающій познаніе. Если философія возможна, то она можетъ быть только свободной, она не терпитъ принужденія. Она въ каждомъ актѣ познанія свободно стоитъ передъ истиной и не терпитъ преградъ и средостѣній. Философія приходитъ къ результатамъ познанія изъ самаго познавательнаго процесса, она не терпитъ навязыванія извнѣ результатовъ познанія, которое терпитъ теологія. Но это не значить, что философія автономна въ томъ смыслѣ, что она есть замкнутая, самодовлѣющая, питающаяся изъ себя самой сфера. Идея автономіи есть ложная идея, совсѣмъ не тождественная съ идеей свободы. Философія есть часть жизни и опытъ жизни, опытъ жизни духа лежитъ въ основаніи философскаго познанія. Философское познаніе должно пріобщи́ться къ первоисточнику жизни и изъ него черпать познавательный опытъ. Познаніе есть посвященіе въ тайну бытія, въ мистеріи жизни. Оно есть свѣтъ, но свѣтъ, блеснувшій изъ бытія и въ бытіи. Познаніе не можетъ изъ себя, изъ понятія создать бытія, какъ того хотѣлъ Гегель. Религіозное откровеніе означаетъ, что бытіе открываетъ себя познающему. Какъ же онъ можетъ быть

къ этому слѣпъ и глухъ, и утверждать автономію философскаго познанія противъ того, что ему открывается?

Трагедія философскаго познанія въ томъ, что освободившись отъ сферы бытія болѣе высокой, отъ религіи, отъ откровенія, оно попадаетъ въ еще болѣе тяжкую зависимость отъ сферы низшей, отъ положительной науки, отъ научнаго опыта. Философія теряетъ свое первородство и не имѣетъ уже оправдательныхъ документовъ о своемъ древнемъ происхожденіи. Мать автономіи философіи оказался очень краткимъ. Научная философія совсѣмъ не есть автономная философія. Сама наука была нѣкогда порождена философіей и выдѣлилась изъ нея. Но дитя возстало противъ своей родительницы. Никто не отрицаетъ, что философія должна считаться съ развитіемъ наукъ, должна учить результаты наукъ. Но изъ этого не слѣдуетъ, что она должна подчиняться наукамъ въ своихъ высшихъ созерцаніяхъ, и уподобляться имъ, соблазняться ихъ шумными вѣшними успѣхами: философія есть знаніе, но невозможно допустить, что она есть знаніе во всемъ подобное наукѣ. Вѣдь проблема въ томъ и заключается, есть ли философія — философія или она есть наука или религія. Философія есть особая сфера духовной культуры, отличная отъ науки и религіи, но находящаяся въ сложномъ взаимодействіи съ наукой и религіей. Принципы философіи не зависятъ отъ результатовъ и успѣховъ наукъ. Философъ въ своемъ познаніи не можетъ ждать, пока науки сдѣлаютъ свои открытія. Наука находится въ непрерывномъ движеніи ея гипотезы и теоріи часто мѣняются и старѣютъ, она дѣлаетъ все новыя и новыя открытія. Въ физикѣ за послѣднія тридцать лѣтъ произошла революція, радикально измѣнившая ея основы ¹⁾. Но можно ли сказать, что ученіе Платона объ идеяхъ устарѣло отъ успѣховъ естественныхъ наукъ XIX и XX вѣка? Оно гораздо болѣе устойчиво, чѣмъ результаты естественныхъ наукъ XIX и XX вѣка, болѣе вѣчно, ибо болѣе о вѣчномъ. Натурфилософія Гегеля устарѣла, да и никогда не была она сильной его стороной. Но гегелевская логика и онтологія, гегелевская діалектика нисколько не потревожены успѣхами естественныхъ наукъ. Смѣшно было бы сказать, что ученіе Я. Веме объ *Ungrund*ъ или о Софіи опровергаются современнымъ математическимъ естествознаніемъ. Ясно, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ совершенно разными и несоизмѣримыми объектами. Философіи міръ раскрывается иначе, чѣмъ наукѣ, и путь ея познанія иной. Науки имѣютъ дѣло съ частичной отвлеченной дѣйствительностью, имъ не открывается міръ, какъ цѣлое, ими не постигается смыслъ міра. Претензіи математической физики быть онтологіей, открывающей не явленія чувственнаго, эм-

¹⁾ См. напр. книгу Eddington'a «La nature du monde physique». Ссылаюсь на французскій переводъ.

пирического міра, а какъ бы вещи въ себѣ, смѣшны. Именно математическая физика, самая совершенная изъ наукъ, дальше всего отстоитъ отъ тайнъ бытія, ибо тайны эти раскрываются только въ человѣкѣ и черезъ человѣка, въ духовномъ опытѣ и духовной жизни ¹⁾). Вопреки Гуссерлю, который дѣлаетъ по своему грандіозныя усилія придать философіи характеръ чистой науки и вытравить изъ нея элементы мудрости, философія всегда была и всегда будетъ мудростью. Конецъ мудрости есть конецъ философіи. Философія есть любовь къ мудрости и раскрытіе мудрости въ человѣкѣ, творческій прорывъ къ смыслу бытія. Философія не есть религіозная вѣра, не есть теологія, но не есть и наука, она есть она сама. И она принуждена вести мучительную борьбу за свои права, всегда подвергающіяся сомнѣнію. Иногда она ставитъ себя выше религіи, какъ у Гегеля, и тогда она переступаетъ свои границы. Она родилась въ борьбѣ пробудившейся мысли противъ традиціонныхъ народныхъ вѣрованій. Она живетъ и дышитъ свободнымъ движеніемъ. Но и тогда, когда философская мысль Греціи выдѣлилась изъ народной религіи и противопоставила себя ей, она сохранила свою связь съ высшей религіозною жизнью Греціи, съ мистеріями, съ орфизмомъ. Мы видимъ это у Гераклита, Пифагора, Платона. Значительна только та философія, въ основаніи которой лежитъ духовный и нравственный опытъ, и которая не есть игра ума. Интуитивныя прозрѣнія даются только философу, который познаетъ цѣлостнымъ духомъ.

Какъ понять отношеніе между философіей и наукой, какъ разграничить ихъ сферы, какъ установить между ними конкордату? Совершенно недостаточно опредѣлить философію, какъ ученіе о принципахъ или какъ наиболѣе обобщенное знаніе о мірѣ, какъ о цѣломъ, или даже, какъ ученіе о сущности бытія. Главный признакъ, отличающій философское познаніе отъ научнаго, нужно видѣть въ томъ, что философія познаетъ бытіе изъ человѣка и черезъ человѣка, въ человѣкѣ видитъ разгадку смысла, наука же познаетъ бытіе какъ бы внѣ человѣка, отрѣшенно отъ человѣка. Поэтому для философіи бытіе есть духъ, для науки же бытіе есть природа. Это различіе духа и природы, конечно, ничего общаго не имѣетъ съ различіемъ психическаго и физическаго ²⁾). Философія въ концѣ концовъ неизбежно становится философіей духа и только въ такомъ качествѣ своею она не зависитъ отъ науки. Философская антропологія должна быть основною философскою дисциплиною. Философская антропологія есть

¹⁾ Такъ Гейдеггеръ въ «*Sein und Zeit*», самой замѣчательною философскою книгѣ послѣдняго времени, всю свою онтологию строить на познаніи человѣческаго существованія. Бытіе, какъ забота (*Sorge*) открывается лишь въ человѣкѣ. На другомъ пути стоитъ французская философія наукъ, у Мейерсона, Бруншвига и др.

²⁾ См. мою книгу «Философія свободного духа».

центральная часть философии духа. Она принципиально отличается от научного, — биологического, социологического, психологического изучения человека. И отличие это в том, что философия исследует человека из человека и в человеке, исследует его, как принадлежащего к царству духа, наука же исследует человека, как принадлежащего к царству природы, т. е. вне человека, как объект. Философия совсем не должна иметь объекта, ибо ничто для нее не должно становится объектом, объективированным. Основной признак философии духа тот, что в ней нет объекта познания. Познавать из человека и в человеке и значить не объективировать. И тогда лишь открывается смысл. Смысл открывается лишь тогда, когда я в себя, т. е. в дух, и когда нет для меня объективности, предметности. Все, что есть для меня предмет, лишено смысла. Смысл есть лишь в том, что во мне и со мной, т. е. в духовном мире. Принципиально отличать философию от науки только и можно, признав, что философия есть необъективированное познание, познание духа в себя, а не в его объективации в природу, т. е., познание смысла и приобщение к смыслу. Наука и научное предвидение обеспечивают человека и дают ему силу, но они же могут опустошить сознание человека, стирать его от бытия и бытие от него. Можно было бы сказать, что наука основана на отчуждении человека от бытия и отчуждении бытия от человека ¹⁾. Познающий человек вне бытия и познаваемое бытие вне человека. Все становится объектом, т. е. отчужденным и противостоящим. И мир философских идей перестает быть моим миром, во мне раскрывающимся, делается миром мне противостоящим и чуждым, миром объектным. Вот почему и исследования по истории философии перестают быть философским познанием, становятся научным познанием. История философии будет философским, а не только научным познанием в том лишь случае, если мир философских идей будет для познающего его собственным внутренним миром, если он будет его познавать из человека и в человеке. Философски я могу познавать лишь свои собственные идеи, делая идеи Платона или Гегеля своими собственными идеями, т. е. познавая из человека, а не из предмета, познавая в дух, а не в объектной природе. Это и есть основной принцип философии, совсем не субъективной, ибо субъективное противостоит объективному, а бытийственно жизненной. Если Вы пишете прекрасное исследование о Платоне и Аристотеле, о Томе Аквинате и Декарте, о Канте и Гегеле, то это может быть очень полезно для философии

¹⁾ Взгляд развиваемый Мейерсоном в его книге «De l'explication dans les sciences» об онтологическом характере наук мне представляется ошибочным. Наука — прагматична.

и философовъ, но это не будетъ философія. Не можетъ быть философіи о чужихъ идеяхъ, о мірѣ идей, какъ предметѣ, какъ объектѣ, философія можетъ быть лишь о своихъ идеяхъ, о духѣ, о человѣкѣ въ себѣ и изъ себя, т. е. интеллектуальнымъ выраженіемъ судьбы философа. Историзмъ, въ которомъ память непомѣрно перегружена иотяжелена и все превращено въ чуждый объектъ, есть декадансъ и гибель философіи, также, какъ натурализмъ и психологизмъ. Духовныя опустошенія, произведенныя историзмомъ, натурализмомъ и психологизмомъ по истинѣ страшны и человѣкоубійственны. Результатомъ является абсолютизированный релятивизмъ. Такъ подрываются творческія силы познанія, пресѣкается возможность прорыва къ смыслу. Это и есть рабство философіи у науки, терроръ науки.

Философія видитъ міръ изъ человѣка и только въ этомъ ея специфичность. Наука же видитъ міръ внѣ человѣка. Освобожденіе философіи отъ всякаго антропологизма есть умерщвленіе философіи. Натуралистическая метафизика тоже видитъ міръ изъ человѣка, но не хочетъ въ этомъ признаться. И тайный антропологизмъ всякой онтологіи долженъ быть разоблаченъ. Невѣрно сказать, что бытію, понятному объективно, принадлежитъ приматъ надъ человѣкомъ, наоборотъ человѣку принадлежитъ приматъ надъ бытіемъ, ибо бытіе раскрывается только въ человѣкѣ, изъ человѣка, черезъ человѣка. И тогда только раскрывается духъ. Бытіе, которое не есть духъ, которое «во внѣ», а не «внутри», есть тиранія натурализма. Философія легко дѣлается отвлеченной и теряетъ связь съ источниками жизни. Это бываетъ всякій разъ, когда она хочетъ познавать не въ человѣкѣ, и не изъ человѣка, а внѣ человѣка. Человѣкъ же погруженъ въ жизнь, въ первожизнь и ему даны откровенія о мистеріи первожизни. Только въ этой глубинѣ философія соприкасается съ религіей, но соприкасается внутренне и свободно. Въ основаніи философіи лежитъ предположеніе, что міръ есть часть человѣка, а не человѣкъ часть міра. У человѣка, какъ дробной и малой части міра, не могла бы зародиться дерзновенная задача познанія. На этомъ основано и научное познаніе, но оно методологически отвлечено отъ этой истины. Познаніе бытія въ человѣкѣ и изъ человѣка ничего общаго не имѣетъ съ психологизмомъ. Психологизмъ есть наоборотъ замкнутость въ природномъ, объективированномъ мірѣ. Психологически человѣкъ есть дробная часть міра. Рѣчь идетъ не о психологизмѣ, а о трансцендентальномъ антропологизмѣ. Странно забывать, что я, познающій, философъ — человѣкъ. Трансцендентальный человѣкъ есть предпосылка философіи и преодоленіе человѣка въ философіи или ничего не значить или значить упраздненіе самаго философскаго познанія. Человѣкъ бытіиственъ, въ немъ бытіе и онъ въ бытіи, но и *бытіе человѣчно* и потому только въ немъ я могу раскрыть смыслъ, соизмѣримый со

мною, съ моимъ постиженіемъ. Съ этой точки зрѣнія феноменологическій методъ Гуссерля, поскольку онъ хотѣлъ преодолѣть всякій антропологизмъ, то есть, человѣка въ познаніи, есть покушеніе съ негодными средствами. Феноменологическій методъ имѣетъ большія заслуги и вывелъ философію изъ тупика, въ который завела ее кантіанская гносеологія. Онъ далъ плодотворные результаты въ антропологіи, этикѣ, онтологіи (М. Шелеръ, Н. Гартманъ, Гейдеггеръ). Но феноменологія Гуссерля связана съ особаго рода онтологіей, съ ученіемъ объ идеальномъ, внѣчеловѣческомъ бытіи, т. е., съ своеобразной формой платонизма. Въ этомъ ея ошибочная сторона. Познаніе предполагаетъ не идеальное, внѣчеловѣческое бытіе и совершенную пассивность человѣка, выпускающаго въ себя предметъ познанія, міръ сущностей (Wesenheiten), а человѣка, не психологическаго, а духовнаго человѣка и его творческую активность. Смыслъ вещей открывается не вхожденіемъ ихъ въ человѣка, при пассивной его установкѣ къ вещамъ, а творческой активностью человѣка, прорывающагося къ смыслу за міръ безсмыслицы. Въ предметномъ, вещномъ, объектномъ мірѣ смысла нѣтъ. Смыслъ раскрывается изъ человѣка, изъ его активности и означаетъ открытіе человѣкоподобности бытія. Внѣчеловѣческое идеальное бытіе безсмысленно. А это значитъ, что смыслъ открывается въ духѣ, а не въ предметѣ, не въ вещи, не въ природѣ, только въ духѣ бытіе человѣчно. Феноменологическій методъ плодотворенъ несмотря на свою пассивность и внѣчеловѣчность и правда его въ направленности на бытіе, а не конструкціи мысли. Творческая активность человѣка совсѣмъ не означаетъ конструкціи. Смыслъ не въ объектѣ, входящемъ въ мысль и не въ субъектѣ, конструирующемъ свой міръ, а въ третьей, не объективной и не субъективной сферѣ, въ духовномъ мірѣ, духовной жизни, гдѣ все активность и духовная динамика. Если познаніе происходитъ съ бытіемъ, то въ немъ активно обнаруживается смыслъ, т. е. просвѣтленіе тьмы бытія. Познаніе есть сама духовная жизнь. Познаніе происходитъ съ тѣмъ, что познается.

2. *Объектъ и субъектъ. Объективированіе въ познаніи.* Нѣмецкая гносеологія всегда говоритъ о субъектѣ и объектѣ, о субъективномъ и объективномъ въ познаніи. Познаніе есть объективированіе. Познающій же субъектъ не есть бытіе, субъектъ гносеологиченъ, а не онтологиченъ, онъ есть идеальная логическая формы, совсѣмъ не человѣческія, связь которыхъ съ человѣкомъ остается непонятной. Бытіе разлагается и исчезаетъ, замѣняется субъектомъ и объектомъ. Познаетъ совсѣмъ не «я», не живой человѣкъ «имя рекъ», не конкретная личность, а гносеологическій субъектъ, внѣ бытія находящійся и бытію противостоящій. Гносеологическій субъектъ не есть человѣкъ, не есть бытіе. Но и познаетъ онъ совсѣмъ не бытіе, а противостоящій ему объектъ,

коррелятивный субъекту и для познания специально созданный. Бытие исчезает из субъекта и из объекта. Само противоположение субъекта и объекта уничтожает бытие. В объективировании умирает всякая жизнь, исчезает бытие. Познание есть объективирование, но в объективировании цель познания не достигается. В этом трагедия познания, которую многие философы отлично сознавали и формулировали это так: бытие иррационально и индивидуально, познаю же я всегда рациональное и общее ¹⁾). Объект оказывается совершенно чуждым субъекту и противоположным ему. Субъект и объект находятся в состоянии логической коррелятивности, друг без друга не существуют и вечно противоположаются и противопоставляются. Если «Платонъ», или «первохристианство», или «германская мистика» дѣлаются для меня объектом познания, то я не могу ихъ понять и не могу открыть въ нихъ смысла. Объективирование будетъ уже уничтоженіемъ, ибо къ смыслу нужно приобщиться, приобщение же не есть объективирование ²⁾). Это совершенно ясно въ такъ называемыхъ «наукахъ о духѣ», гдѣ объективирование всегда есть смерть истиннаго познания. «Въ «наукахъ о природѣ» обстоитъ дѣло нѣсколько иначе, но сейчасъ это не есть предметъ моего изслѣдованія.

Основной вопросъ гносеологіи есть вопросъ о томъ, кто познаетъ и принадлежитъ ли къ бытію тотъ, кто, познаетъ? Какъ осмыслить и углубить то неустрашимое предположеніе познания, что познаетъ человѣкъ. Кантъ и идеалистическія теоріи познания утверждаютъ, что познаетъ совѣсть не человѣкъ, ибо это означало бы психологизмъ и антропологизмъ, т. е. релятивизмъ въ познании, и познается совѣсть не міръ, ибо это означало бы наивный реализмъ. *Теорія познания, идущая отъ Канта, поднимаетъ проблему человека и его силы познавать бытіе проблемой трансцендентальнаго сознанія, гносеологическаго субъекта или мирового духа, божественнаго разума.* Если же она не говоритъ о трансцендентальномъ сознаніи, то она говоритъ о психологическомъ сознаніи. Но и трансцендентальное сознаніе и психологическое сознаніе одинаково не есть человѣкъ. Теорія познания не хочетъ изучать человѣка, какъ познающаго, она отдастъ изученіе человѣка цѣликомъ въ вѣденіи психологіи или соціологіи. *Между тѣмъ какъ основной вопросъ познания есть вопросъ объ отношеніи между трансцендентальнымъ сознаніемъ или гносеологическимъ субъектомъ и человекомъ, живой и конкретной человекъ-*

1). Это особенно подчеркнуто школой Виндельбанда и Риккерта.

2) То, что Леви-Брюль считаетъ характернымъ для mentalité первобытнаго общества, т. е. приобщеніе къ познаваемому, соучастіе въ немъ, и есть въ сущности настоящее познание бытія. См. его замѣчательную книгу «Les fonctions mentales dans les sociétés inférieures».

ческой личностью. Кантъ имѣть неоцѣнимыя заслуги въ проблематикѣ познанія, но онъ въ сущности ничего не разрѣшаетъ, онъ не преодолеваетъ скептицизма и релятивизма, или преодолеваетъ ихъ призрачно. Апріорныя формы должны гарантировать прочность познанія и преодолѣть скептицизмъ, но апріорныя формы не имѣютъ никакого прямого отношенія къ живому человѣку, который и познаетъ. Пусть трансцендентальное сознаніе имѣетъ твердыя и неизблжныя основанія для познанія, но трансцендентальное сознаніе совсѣмъ не есть человѣкъ, человѣкъ обреченъ быть психологическимъ сознаніемъ, которое находится во власти релятивизма. И остается совсѣмъ невыясненнымъ, какъ трансцендентальное сознаніе осваиваетъ психологическимъ сознаніемъ, какъ психологическое сознаніе возвышается до трансцендентальнаго сознанія. Мнѣ, какъ живому конкретному существу, какъ человѣку, поставившему себѣ дерзновенную задачу познать, нисколько не легче отъ того, что существуетъ трансцендентальное сознаніе, что въ немъ есть а priori, что скептицизмъ и релятивизмъ въ этой внѣчеловѣческой сферѣ побѣждены извѣчно. Мнѣ важно побѣдить скептицизмъ и релятивизмъ въ человѣческой сферѣ, въ познающемъ человѣкѣ, а не въ гносеологическомъ субъектѣ. Я хочу самъ познавать, а не предоставлять познаніе гносеологическому субъекту или міровому разуму, хочу познать, какъ творческаго акта человѣка. Теорія познанія должна стать философскою антропологіей, ученіемъ о человѣкѣ, а не ученіемъ о трансцендентальномъ сознаніи и гносеологическомъ субъектѣ, но и не психологическимъ или социологическимъ ученіемъ о человѣкѣ, а онтологическимъ и пневматологическимъ ученіемъ о человѣкѣ. Какое для меня утѣшеніе, что существуетъ міровой или божественный разумъ, если совсѣмъ не выясненъ вопросъ о дѣйствіи этого мірового или гносеологическаго разума во мнѣ, о моемъ человѣческомъ разумѣ. Также бесплодны и не нужны всѣ ученія о Богѣ, которыя не учатъ о благодатномъ дѣйствіи Бога на человѣка и міръ. Вотъ я и спрашиваю, въ чемъ благодатное, просвѣтляющее дѣйствіе трансцендентальнаго сознанія, гносеологическаго субъекта или мірового духа на человѣка, на живую, конкретную личность, какъ раскрывается сила и прочность познанія въ человѣкѣ и притомъ въ данномъ человѣкѣ, а не въ сферѣ внѣчеловѣческой. Это и есть основной вопросъ. Какъ у Канта не выясненъ этотъ вопросъ, такъ онъ не выясненъ и у Гегеля. У Гегеля познаетъ не человѣкъ, а самъ міровой разумъ, міровой духъ, въ концѣ концовъ само Божество. Правда самосознаніе и самопознаніе Божества происходятъ въ человѣкѣ и черезъ человѣка. Но какая мнѣ отъ этого радость? Можетъ показаться очень гордымъ и возвеличивающимъ достоинство человѣка ученіе о томъ, что Божество въ человѣкѣ приходитъ къ самосознанію, что міровой духъ достигаетъ своей вершины черезъ философію,

которая есть дѣло человѣка. Но при этомъ никакой самостоятельности человѣка не существуетъ, человѣкъ есть лишь функція мірового духа, мірового разума, Божества, лишь орудіе, средство, путь для осуществленія совѣтъ не человѣческихъ цѣлей. Такъ и идеальное бытіе Гуссерля совѣтъ не спасаетъ человѣка отъ релятивизма и скептицизма. Философія спасается отъ человѣка, но онъ отъ нея не спасается. Для того, чтобы познавать предметъ согласно феноменологической установкѣ нужно совершенно отрѣчься отъ человѣческаго, прійти въ состояніе совершенной пассивности, дать возможность самому предмету, самой сущности говорить во мнѣ. Человѣкъ долженъ перестать существовать въ актѣ познания. Познаніе происходитъ въ сферѣ идеальнаго логическаго бытія, а не въ человѣческой сферѣ. Принципіально былъ болѣе правъ св. Тома Аквинатъ, который правда унижаетъ человѣка, причисляя его къ низшимъ интеллектамъ, но ставитъ вопросъ о человѣческомъ познаніи, о познаніи человѣка.

Основной, изначальной проблемой является проблема человѣка, проблема человѣческаго познания, человѣческой свободы, человѣческаго творчества. Въ человѣкѣ скрыта загадка познания и загадка бытія. Именно человѣкъ и есть то загадочное въ мірѣ существо, изъ міра необъяснимое, черезъ которое только и возможенъ прорывъ къ самому бытію. Человѣкъ есть носитель смысла, хотя человѣкъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ и падшее существо, въ которомъ смыслъ поруганъ. Но паденіе возможно лишь съ высоты и само паденіе человѣка есть знакъ его высоты, его величія. Онъ и въ паденіи своемъ сохраняетъ печать своего высокаго положенія и въ немъ остается возможность вышей жизни, возможность познания, возвышающагося надъ безсмыслицей міра. Антропологизмъ непреодолимъ въ философіи, но онъ долженъ быть повышенъ въ своемъ качествѣ. Антропологизмъ этотъ изначально онтологиченъ. Человѣкъ не устранимъ изъ познания. Онъ не устраненъ долженъ быть, а повышенъ отъ человѣка физическаго и психическаго до человѣка духовнаго. Разрывъ между трансцендентальнымъ сознаніемъ, гносеологическимъ субъектомъ, идеальнымъ логическимъ бытіемъ и живымъ человѣкомъ въ сущности дѣлаетъ познаніе невозможнымъ. Я — человѣкъ — хочу познавать бытіе и мнѣ нѣтъ дѣла до познания, которое совершается въ сферѣ внѣчеловѣческой. Я — познающій — изначально пребываю въ бытіи и составляю его неотрывную часть. Я познаю я бытіе въ себѣ, въ человѣкѣ, и изъ себя, изъ человѣка. Только бытіе въ силахъ познавать бытіе. И если бы познаніе не было уже бытіемъ, то доступъ къ бытію былъ бы ему закрытъ. Познаніе въ бытіи совершается и является внутреннимъ событіемъ въ бытіи, измѣненіемъ бытія. Познающій и познаніе имѣютъ онтологическую природу. Познаніе есть внутренній свѣтъ въ бытіи. Потому познаніе имѣетъ космогоническій характеръ. Когда философы ищутъ интуиціи, они